

вид рогоза (*Typha stenophylla*). На самом Кейсын-аузе я заметил целые заросли диких низкорослых вишен (*Cerasus prostrata*).

Высота перевала оказалась, по моему определению, в 1160 метров абсолютной высоты—только на 210 метров выше Арасана. Зато спуск на северную сторону был несравненно длиннее, и на конце его лепсинская дорога отделилась от главного семипалатинского тракта. Вёрст через семь от раздела дороги мы выехали на реку Ак-су. Дорога наша проходила по степи от запада к востоку вдоль подошвы хребта. Сильный западный ветер, дувший с утра, катил перед нами совершенно высохшие стебли разных растений, называемых здесь «перекати-поле», между которыми я заметил *Ruta davurica*. Вся растительность здесь выгорела и поблекла. Дождя с 15 июня здесь не было. На реке Ак-су нам запрягли прекрасных киргизских лошадей, и мы помчались быстро через кочки и арыки. В реке Ак-су я заметил валуны сланца и гранита. За рекой степь не изменяла своего характера верст двадцать до реки Баскана и еще десять вёрст до Саркана. Она была покрыта высокой поблекшей растительностью когда-то роскошных трав, между которыми я заметил характерные типы *Althea*, *Sophora alopecuroides*, *Salvia sylvestris*, *Lasiagrostis splendens*.

Саркан, подобно Ак-су и Биёну, выходил из узкого ущелья невысокой Арасанской цепи, представляющей довольно ровный гребень, простирающийся от запада к востоку. Но за Басканом уже выдаются горы, образующие гласис главного Алатавского хребта, простирающегося от З-Ю-З к В-С-В. Баскан—довольно значительная широкая река, быстрая и извилистая, окаймлённая целым рядом громадных валунов, состоящих преимущественно из гранита. Между растениями на её берегу я заметил кусты *Atraphaxis lanceolata*. Здесь мы снова переменили лошадей и продолжали свой путь через очень холмистую местность. Большая часть холмов была прикрыта наносами, поросшими поблекшим дёрном. Кое-где вблизи дороги выходили на поверхность обнажения глинистых сланцев с неясным простираением. За половиной дороги уже смерклось, и только ночью доехали мы до своего ночлега на реке Теректы. Западный ветер, дувший целый день, наконец разразился бурей и сильным дождём. Ночь была холодна, а раскинуть палатку было невозможно. Казаки заснули у ярких огней, разведённых богатым свадебным поездом, ехавшим на венчанье в Копал из Чубар-агача (Лепсинска), где не было своего священника.

Во вторую половину ночи на 17 сентября заблистали звёзды. Утро было морозное, но инея было мало. Речка Теректы, у которой мы ночевали, протекала в неглубокой долине предгорья, имевшей не более полуверсты ширины. В долине росла роща вековых, но довольно редких тополей (*Populus laurifolia*), которых можно было насчитать не более двух—трёхсот.

Вид через долину на замыкающие её снежные белки Семиреченского или Джунгарского Алатау был очень красив. Поляны вечного снега за ночь очень расширились за счет свежавыпавшего снега. Температура и днём была низкой.